

ОТЗЫВ

официального оппонента, кандидата искусствоведения,
профессора Грохотова Сергея Владимировича
на диссертацию Ли Чао «Камерно-вокальное наследие

Антоня Рубинштейна», представленную на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 5.10.3 Виды искусства (музыкальное искусство), (искусствоведение)

Антон Григорьевич Рубинштейн по праву принадлежит к числу ключевых фигур в истории русской музыки. Его почитают как выдающегося просветителя, основоположника российского профессионального музыкального образования, как музыкального деятеля, по сути создавшего в стране регулярную и упорядоченную музыкальную жизнь, и, наконец, гениального пианиста, чье воздействие на современников было поистине всеобъемлющим и опосредованно сохраняется по сей день. Попытки сформулировать особенности отечественного фортепианного исполнительства и сейчас поневоле приводят к тем качествам, которые были свойственны Рубинштейну-пианисту — тенденция к монументальности и драматургической напряженности развития, утонченный психологизм, речевая выразительность интонирования, особая квази-вокальная манера звукоизвлечения и т.д.

При этом наследие Рубинштейна-композитора поныне остается во многом *terra incognita*. Музыка эта широко исполнялась при жизни автора — с особым энтузиазмом она неизменно принималась в его собственном прочтении. Ныне лишь отдельные произведения по-прежнему звучат со сцены, присутствуют в педагогическом репертуаре — несколько фортепианных пьес, арий из опер, романсов, полюбившихся публике еще в конце позапрошлого века.

Музыка композитора получала противоречивые оценки современников, в особенности представителей «Новой русской школы» — в этом отчасти проявлялась казавшаяся тогда принципиальной разница эстетических позиций и представлений о путях развития русской музыки. Но была и объективная причина, которая отмечалась даже расположенными к Рубинштейну коллегами и критиками: в обширном наследии композитора очень многое производило впечатление сделанного поспешно, необдуманно. Это отмечал, например, Лист: «Ваша крайняя продуктивность до сих пор не оставляла Вам досуга, необходимого для того, чтобы на Ваших сочинениях сильнее почувствовалась бы печать индивидуальности, и чтобы Вы могли их довершить».

Между тем, созданное музыкантом включает в себя немало истинных шедевров (в том числе песен, романсов), которые способны украсить концертные программы, заслуживают пристального внимания исполнителей, слушателей, педагогов. Характерной тенденцией сегодняшнего дня являются попытки расширить исполнительский и педагогический репертуар не только за счет музыки барокко и раннего классицизма, но и романтических произведений второй половины XIX века. Все это говорит в пользу **актуальности** диссертации Ли Чао.

Нельзя сказать, что фигура Антона Рубинштейна совсем не привлекает внимание исследователей, однако до сих пор не проводилось комплексное изучение его композиторского творчества, в частности песен и романсов, составляющих весьма значительную часть его наследия. Весьма скупо освещенными остаются исполнительский и педагогический аспекты этих сочинений. Это бесспорно придает диссертации Ли Чао характер **новизны**.

Работа автора о песнях и романсах Рубинштейна лежит в русле того живого интереса, который проявляют китайские музыканты к исполнительской культуре нашей страны и к наследию русских композиторов-классиков. Привлекая внимание к полузабытым шедеврам русской вокальной лирики, она предоставляет певцам (и не только китайским) **практические возможности** для расширения концертного и педагогического репертуара.

Едва ли не главным, ключевым положением диссертации Ли Чао является тезис о стилистической двойственности композиторского творчества Антона Рубинштейна — о его укорененности одновременно в русской и немецкой культурных традициях. В этом отношении Рубинштейн уникален. Так, в его камерно-вокальном наследии практически в равной степени представлены романсы и песни на русские и немецкие тексты. Этот главный тезис органично определяет собой структуру диссертации. Если прибегнуть к музыкально-жанровым уподоблениям, то первая глава является своего рода «увертюрой», где в сжатом виде предстают две главные «темы» исследования — условно говоря, «Рубинштейн и русская культура» и «Рубинштейн и немецкая культура». В двух последующих главах эти «темы» звучат уже развернуто — на материале, соответственно, русских песен и романсов и немецких *Lieder*.

Рассмотрение по отдельности двух сфер камерно-вокального наследия Рубинштейна (в соответствии с языком текстов, положенных на музыку) — давняя традиция. Так, например, делают Б. Асафьев и В. Васина-Гроссман.

Они, по сути, противопоставляют друг другу рубинштейновские *Lieder* и русские песни. Если Асафьев пишет о художественном превосходстве первых над вторыми, то Васина-Гроссман, напротив, утверждает, что «наиболее ценные произведения Рубинштейна связаны с традициями русского искусства гораздо больше, чем с искусством Запада». Ли Чао на протяжении всего своего исследования убедительно отстаивает идею о единстве обеих «ветвей» в творчестве композитора. В подтверждение, среди прочего, он указывает на следующее любопытное обстоятельство: вопреки общепринятой современной традиции петь на языке оригинала, немецкие песни Рубинштейна до сих пор исполняются в России по-русски, а в Европе русские — по-немецки.

На страницах диссертации мы встречаем много интересных и оригинальных положений, подтверждающих **новизну и теоретическую значимость** исследования. Например, представляется весьма продуктивной идея о связи камерно-вокального наследия Рубинштейна с культурой бидермайера, что открывает путь для нового осмысления и многих фортепианных сочинений композитора, да и в целом многих музыкальных феноменов.

Любопытна гипотеза о биографической подоплеке песен на стихи Гейне ор. 32 и вообще рассмотрение проблемы цикличности в вокальной музыке Рубинштейна. Заслуживает внимания тонкий анализ жанровых истоков «Музыкальных иллюстраций к басням И. А. Крылова» ор. 63 и «Стихов и Реквиема по Миньоне» ор. 91. Специально хочется отметить факт обращения автора к последнему произведению, представляющему собой оригинальнейший жанровый сплав камерной оратории, музыкально-драматического произведения и вокального цикла. Вообще Ли Чао то и дело обоснованно опровергает широко бытующий тезис о консерватизме Рубинштейна-композитора. Интересны рассуждения автора о соотношении музыки и поэтического слова в его камерно-вокальных сочинениях, сопоставление немецких оригиналов и эквиритмических русских переводов. Тонкой наблюдательностью отмечены сравнительные анализы исполнений некоторых песен и романсов Рубинштейна российскими и зарубежными певцами.

Показателем **обоснованности и научной достоверности** положений, сформулированных в диссертации, служит серьезная критическая проработка трудов российских и зарубежных музыковедов, с которыми Ли Чао порой вступает в заочную полемику, убедительно выстраивая свои доводы. Библиография диссертации насчитывает 169 названий.

Разумеется, в тексте работы есть места, которые вызывают у читателя

вопросы, требуют авторского комментария. Например, обратило на себя внимание смысловое несоответствие между заголовком § 1 второй главы «Место камерно-вокальных произведений на стихи русских поэтов в творческом наследии А. Г. Рубинштейна» и текстом: две начальные страницы этого раздела (стр. 48–49) почему-то оказались посвящены немецким песням.

Не вполне ясным остается тезис о «богатеишем пианизме» Рубинштейна, который, как заявлено на стр. 18, является одной из составляющих «оригинального композиторского стиля Рубинштейна в области камерно-вокального творчества». Важность фортепианной партии в ансамблевой музыке, в частности в песнях и романсах, общепризнана, и в тексте то и дело говорится о фактуре аккомпанемента. Однако специфика рубинштейновского пианизма и его проявления в песнях и романсах раскрыты, на мой взгляд, недостаточно.

Понятно, что в пределах диссертации нет возможности, да и смысла рассматривать все камерно-вокальные сочинения Рубинштейна — его наследие в этой области слишком обширно. Однако стоило бы, на мой взгляд, познакомить читателя с аргументацией, почему для более подробного анализа были выбраны именно те, а не иные пьесы. Например, среди оставшихся вне поля зрения автора достаточно известные рубинштейновские *Lieder* на стихи Боденштедта, романсы на слова А. К. Толстого и др.

Хотелось бы также задать вопросы, которые не столько уточняют авторский текст, сколько вытекают из общего характера работы. Так, Ли Чао отмечает равнозначное существование в исполнительской практике русских и немецких вариантов вокальных пьес Рубинштейна. Насколько перспективными в этой связи, были бы китайские переводы текстов, и сможет ли это способствовать более широкому распространению музыки композитора у него на родине? Вообще практикуется ли в Китае исполнение вокальной музыки в переводе.

Еще вопрос: есть ли у диссертанта опыт собственного исполнения песен и романсов Рубинштейна? Обладают ли они для него какой-то особой вокальной спецификой по сравнению, например, с музыкой других русских композиторов? Ведь восприятие художественного явления как бы «со стороны», человеком, принадлежащим к другой культуре, может быть в чем-то даже острее, чем у соотечественников творца, во всяком случае открывать в его произведениях какие-то новые грани.

Наряду с **практической значимостью**, обусловленной перспективной

ролью диссертации Ли Чао в расширении исполнительского и педагогического репертуара, следует отметить, что материалы исследования применимы при разработке теоретических и практических курсов для средних и высших музыкальных учебных заведений. Данная работа, несомненно, обладает и **теоретической значимостью**, ведя к дальнейшему углубленному научному осмыслению музыки Антона Рубинштейна и ее места в истории. Содержание диссертации вполне раскрыто в семи публикациях, четыре из которых вышли в журналах, рекомендованных ВАК РФ и в Автореферате, выполненном в соответствии с необходимыми требованиями.

Высказанные замечания никоим образом не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования Ли Чао «Камерно-вокальное наследие Антона Рубинштейна», которое обладает практической и теоретической значимостью и **соответствует критериям** пп. 9-11, 13, 14, Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., в действующей редакции). Считаю автора, Ли Чао, заслуживающим присуждения искомой ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 5.10.3 Виды искусства (музыкальное искусство) (искусствоведение).

Грохотов Сергей Владимирович,
кандидат искусствоведения, доцент,
профессор кафедры истории и теории
исполнительского искусства ФГБОУ ВО
«Московская государственная консерватория
имени П.И.Чайковского»
29.04.2023

С. Грохотов
И.И. Сабуринова удостоверяю
Ф.И.О.
И.И. Сабуринова
Подпись Ф.И.О.

Я, Грохотов Сергей Владимирович, даю согласие на включение моих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного совета и их дальнейшую обработку.

Контактная информация:

ФГБОУ ВО «Московская государственная консерватория
имени П. И. Чайковского»

Адрес: 125009, Москва, ул. Большая Никитская, д. 13/6

Телефон: +7 (495) 629-20-60

E-mail: document@mosconsv.ru

Web: <https://www.mosconsv.ru/ru/person/8983>

Личный телефон: +7 (905) 574-64-49

Личный E-mail: s.grokhotov@mail.ru